

и замѣтилъ ее въ жизни, ступай прямо безъ всякаго ухищренія къ этому прекрасному образу; не только ты почувствуешь и, если хочешь, поймешь эту красоту—онъ лучше многихъ руководствъ введетъ тебя въ тайны древняго искусства. Тогда бы ты понялъ и то, какъ возможно не говорить о ней, видѣвъ ее нѣсколько разъ; и признаюсь, у меня есть непреодолимое желаніе сказать о ней два, три слова“.

Мы не станемъ приводить эти слова, анализировать описаніе статуи и ея достоинствъ. Это, такъ сказать, цѣльное лирическое стихотвореніе въ прозѣ, которое вылилось изъ глубины души и не поддается анализу. Но вотъ строки, которыя можно назвать „гимномъ искусству“, такъ поэтично высказались въ нихъ художественныя убѣжденія автора. „Что такое она — эта живучесть искусства, эта жизнь, не умирающая въ его созданіяхъ, которая не гибнетъ въ землѣ, не блекнетъ отъ времени? Что такое эта теплота, вѣющая отъ нихъ на насъ и родящая въ насъ живую симпатію, въ насъ, сынахъ другого вѣка, дѣтяхъ иного племени, для которыхъ самая память о томъ давно погибшемъ племени есть купленная, приобрѣтенная, изъ книги добытая? Что же неумирающаго, намъ родного остается въ этихъ памятникахъ и говорить намъ въ нихъ такую понятную рѣчью? И не думаю, чтобы можно было отвѣтить однимъ словомъ—красота: есть красота мертвая и есть красота живая; отъ одной я тотчасъ ухожу въ сторону; другая беретъ все мое вниманіе, родитъ пріязнь къ себѣ: мы опять пришли къ нашему вопросу. Тайна жизни искусства есть его духовное, идеальное: отсюда и его безсмертіе. Откуда духовное? конечно, отъ духа художника, который вмѣстѣ съ своею идеею переноситъ въ камень или на полотно и, такъ сказать, часть своего собственнаго духа. Это онъ, это его создающій духъ,—духъ, слившійся съ своею идеею, который узнаемъ, который любимъ мы въ камнѣ; это онъ, огненнѣ неразлучный съ пересозданнымъ имъ тѣломъ: онъ погребается вмѣстѣ съ нимъ въ могилу и, когда снова выходитъ изъ нея, остается тѣмъ же жизненнымъ духомъ“.

В. ГЕРЬЕ.